

«Всё не так, ребята»

рассказ

1

Второй месяц я занималась дзюдо, и сегодня после школы – тоже на тренировку. Скорее бы уже на татами! А пока...

Я шла по двору на первый урок, когда сосед – дед Иван, как и каждое утро, крестил себя пудовой гирей у распахнутого окна под хриплый голос Владимира Высоцкого, льющийся из старого катушечного магнитофона. И так получалось, что над разными строками, залетающими в моё сознание, я урывками размышляла весь день. Сегодня я услышала: «Нет, ребята, всё не так. Всё не так, ребята!»

А у меня всё шло «так», хорошо шло, ровно. Отсидела шесть уроков, получила две «пятёрки»: по анатомии и литературе за "Мертвые души", на переменах поболтала с подружками. Одна из них, Оля – дочь офицера милиции, и предложила заняться дзюдо, обещая учиться броскам со мной в паре. Я тогда вспомнила наши игровые потасовки с братом – мы двойняшки – и сразу увязалась с нею из любопытства.

А раньше мы с братом ходили на беговые лыжи, но у него тренер заметил талант к биатлону. Теперь брат учится в спортивном интернате другого города, где есть стрельбище. А то он сходил бы со мною на дзюдо, хоть понаблюдал бы со скамейки. Не хватает его, всё ещё не привыкну.

И вот я шла на тренировку и радовалась, предвкушая что-то новое.

– Оля, чего ты тут? Переодевайся! Вот-вот начнётся! – На ходу завязывая пояс кимоно, я подошла к подружке, сидевшей на скамейке. Она встала и на ухо сказала мне то, что обычно девчонки шепчут физику про особые обстоятельства. – Жаль, конечно. Но молодец, Оля, что пришла. Будешь помогать мне советами.

После длинной разминки мы рассчитались на первый-второй, встали в пары, чтобы продолжить отрабатывать бросок, показанный на прошлом занятии. Тренер напутствовал так, что от его слов у меня на душе потеплело:

Ребятишки, не сопротивляйтесь приёму – это же не спарринг. И бережно относитесь друг к другу. Про страховку не забывайте – рукой по татами...

Моей напарницей стала высокая и тоненькая Аня с веснушками. Её кимоно пахло затхлостью и нафталином так сильно, что меня от тошноты отделяла тонкая завеса. Я всё же сосредоточилась на приёме, стараясь не обращать внимания на запах. До автоматизма было ещё далеко, поэтому моё сознание контролировало каждое движение. Я воплощала то, что секундой раньше говорила про себя: «Левой – за пояс, правой – за ворот. Шаг правой ногой влево до сближения. Правый локоть – в грудную клетку. Рывок, бросок через правое бедро».

Хорошо, что Аня была новичком, как я, и ей подходил низкий темп. Но запах! После нескольких бросков мой желудок, казалось, собрался вывернуться наизнанку, и я попросила у тренера другую напарницу. Он подвёл ко мне Лину, крепкую черноглазочку. Мы поклонились друг другу, и она быстро провела бросок. При такой скорости я не успела ударить рукой по татами, и боль будто плёткой обожгла моё правое бедро. Я встала и попросила: «Давай, немного помедленнее, а?» – Лина криво улыбнулась в ответ.

В ушах хрипел Высоцкий: «Всё не так, ребята!» Я летела и летела на татами, нехотя получая новую порцию боли. Вставала и снова падала... В длинной серии бросков всего три раза я чудом успела ударить правой рукой по татами. Лишь три раза плётка боли не хлестнула по бедру... Наконец, тренировка закончилась. Радоваться этому сил не было. Переодеваясь в джинсы, я ужаснулась огромному синяку и решила не показывать маме. Расстраивать её не хотелось.

2

Я шла по улице, оберегая ногу от случайных касаний прохожих. Войдя во двор, увидела маму, сидевшую с соседями у подъезда под светом фонаря.

– Вот и моя непоседа вернулась, – обрадовалась мама, беря меня под руку, и мы пошли домой ужинать.

Аппетита не было. Мама озабоченно потрогала мой лоб. Я выпила кефира, умылась и смочила полотенце для компресса. Пока мама возилась на кухне, я скаламбурила: «Да будет свет! – сказал электрик. – И перерезал провода!» Потом погасила торшер и легла под одеяло, оставив неукрытой ногу с компрессом.

– А мне с тобой надо поговорить, – сказала мама и села на край кровати, чуть не задев мой синячище.

– Ох! – прошептала я, резко отпрянув к стене.

– Ты чего? Всё нормально? Да?.. Дочка, завтра суббота. У вас уроков меньше... поедem к бабушке, ладно? Воду из бочек разольём, под грядки землю приготовим, озимые посадим, а?

Мама ждала ответ, а в моих ушах звучало «всё не так». Я с дикой скоростью перебирала варианты, что сказать: в классе будет генеральная уборка или нужно срочно делать стенгазету?

Врать я очень не люблю. Я верю, что у меня есть невидимый ангел-хранитель. Он привязан ко мне длинной нитью, которую я иногда замечаю. А моё враньё – и не только вот это – будто привлекает страшно большие ножницы, которые могут обрезать эту нить. И пока она снова не соткётся, ангел может временно потерять меня из виду.

– Мамуль, у нас это... тренировка очень ударная была на физподготовку... приседали до опупения. Тренер сказал, что мышцы сильно болеть будут дней пять. Смогу – поеду. Нет – тогда через неделю, хорошо?

Лишь только я закончила сочинять за тренера, как сразу ощутила: страшные ножницы погнались за ангельской нитью, но промахнулись и растворились в воздухе... Я перевела дух.

Мама нехотя согласилась. В такие минуты, когда она терпит, избегая конфликта, я понимаю, как люблю её... В темноте было невидно мамино лицо, но я догадывалась: её язык скребётся о зубы с нотациями типа «а мы в твои годы». Но она промолчала. Меня переполнила благодарность, которую я не смогла высказать вслух, а лишь молча пожала мамину руку.

Мама не раз спросила, где меня растереть муравьиным спиртом. Я отнекивалась, а сама думала: «Спасибо, что молчишь, мамочка. Из ваших с бабушкой воспоминаний я знаю: война быстро сделала тебя взрослой. Ты по месяцу оставалась одна, нянькою младшим сёстрам, и прятала картошку, распределяя еду, чтобы не съели сразу, дабы хватило до возвращения своей мамы с работ из далёкого поселка... Я понимаю, почему ты считаешь спорт помехой. Он "крадёт" моё время и грозит травмами... Наверное, печь пироги и вышивать крестиком лучше, но я думаю, что спорт шлифует характер и даёт "стравить пар". Кто знает, может, не будь спорта – я бы лампочки в подъездах била?..»

Я засыпала, охладив ногу компрессом. Последней моей мыслью была такая: что дальше делать с дзюдо? Перед глазами стояла кривая улыбка Лины и бесстрастное выражение лица, как у робота, когда она бросала меня.

Утром я встала пораньше и выучила уроки. Уходя в школу, обронила, что, вероятно, поеду к бабушке.

3

– Кто так копает? Не так надо! – возмущалась мама. А я гнула свою линию:

– Не учи учёного! Знаю, как надо, но сегодня могу лишь «не так».

Я втыкала лопату в землю, вставала на неё обеими ногами, балансируя. Сходила с ушедшей в землю лопаты, отваливала ком, разбивала его, и всё повторялось сначала. Зато ноге не было больно, и мы с мамой всё успели. Теперь я стояла на коленях у вскопанной земли и набирала в консервную банку червей для нашего соседа. Это он – рыбак, дед Иван – чинил моих кукол и машинки брату, когда не стало с нами папы. А память у меня очень крепкая.

В это время мама выкапывала хрен и торопила меня:

– Доча, заканчивай. Бабушка на чай ждёт. Ох, смотри, закат какой! Давно не видела таких красок.

Тут из сеней, улыбаясь, медленно вышла бабушка и тоже стала смотреть, как в оранжевом зареве за деревню садилось солнце. Его лучик гостил на банке с червями, рикошета мне в глаза. Величие и красота заката словно помогли мне взглянуть на вчерашнюю тренировку отстранённо.

Мы пили чай с ягодным караваем – бабушка постаралась от души. Я смотрела на своё отражение в самоваре и вдруг, как наваждение, на мгновение увидела глаза и жестокую улыбку Лины... И я представила себя –

уже матёрую дзюдоистку – на тренировке. Без раздумий и жалости я превращала новичков в снаряды для отработки бросков... Мгновенно оказались мокрыми ладони, а на душе от этих мыслей стало муторно, как от скрипа железа по стеклу. Муть нарастала. Какая-то пурга из беспокойства и нехороших ожиданий будто засыпала душу, заморозила чувства, превратила меня в робота с... перегоревшими микросхемами в совести, способного идти к цели по головам и использовать товарищей, как средства...

Мне отчаянно захотелось спастись от самой себя! Я помотала головой и перевела взгляд с самовара на бабушку, на её красные от горячего чая щёки. Наваждение исчезло, слова стали разборчивы, и я вернулась к реальности.

Бабуля, как заправский метеоролог, в ту минуту расшифровывала цвет заката, предсказывая на завтра сильный ветер. Мама поняла её с полуслова и пошла убирать плёнку с теплицы, чтобы не унесло, а я напросилась помыть посуду – обычно успокаиваюсь во время ходьбы и работы.

Я тёрла чашку и размышляла: «Зачем мне нужна эта борьба, разве собираюсь служить в милиции? Лучше какой-нибудь спорт на свежем воздухе и рядом с домом... Но для чего-то мне был дан этот урок. Догадаться бы... Мне кажется, что отныне, когда я захочу кого-то поставить на место своим мастерством или использовать новичка, как снаряд, память подсунет мне Лину. Так я проверю себя: не сбился ли корабль с курса?... а, может, под компасом приклеен магнит?»

– Что задумалась, внученька? – бабушка тронула меня за плечо.

– Да вот думаю, не пойти ли... в конькобежку.

Мама уже вернулась, подошла и пристально посмотрела на меня. Потом тихо сказала:

– Наверное, так будет лучше... Я вчера с соседками сидела, а сердце так и рвалось к тебе бежать. Не знаю, что это было.

Я обняла маму и подумала: «Чья нить, протянутая ко мне, крепче: материнская или ангельская?»...